

Тан Линъянь не подозревал, что его обнаружили, и продолжал изучать убранство внутреннего двора.

Вдоль дворцовой стены ровными рядами высился бамбук. Его листва, изумрудно-зеленая даже в осеннюю пору, когда всё вокруг постепенно увядает, не выдавала ни малейших признаков гниения.

Рядом с бамбуковой рощицей росли несколько кустов древовидного гибискуса. На ветвях, возвышавшихся до самой стены, теснились крупные, размером с ладонь, цветы. На их лепестках дрожали прозрачные капли росы — сразу видно, что за садом тщательно ухаживали.

В книге Царица была описана как женщина строгая и замкнутая, истинная благородная девица, соблюдающая все приличия. Она вела уединенный образ жизни, посвящая себя вышиванию и живописи. Однако этот сад, полный цветов и зелени, красноречиво свидетельствовал о том, что в душе Царица стремилась к свободе и полноте жизни.

Неужели она и вправду смирилась с тем, что её жизнь так ограничена?

Тан Линъянь протянул Наследному принцу плод Древа Прекрасного Лица:

— Забирай.

Принц принял сверток и тут же почувствовал исходящий от него дивный аромат. Хотя он не знал, что это за вещь, он бережно прижал её к груди, словно величайшее сокровище.

Какой прекрасный ребенок. Каким же был его финал в оригинале?

Юнь Чжиин в те времена был настолько одержим Юнь Цзи, что совершенно забросил сына, и их отношения стали холодными и отчужденными. Но когда государство Юнь оказалось на грани краха, именно принц в одиночку взвалил на себя все проблемы, оставленные отцом. Он отразил натиск врагов со всех сторон и спас страну и семью.

Жемчужина, покрытая пылью, он повзрослел за одну ночь посреди бушующей бури.

Однако позже он стал непредсказуемым и вспыльчивым, превратившись в подобие своего бездарного отца, совершенно не ценящего ту власть, которую сам же с таким трудом отстоял. А может, он просто методично разрушал то, что так дорого ему досталось.

Но сейчас всё еще впереди. В глазах принца всё еще теплилась детская наивность, и он не мог скрыть искренней радости от редкого проявления отцовской заботы.

— Благодарю за милость, отец. Но что это?

— Плод Древа Прекрасного Лица.

Лицо принца просияло:

— Значит, Древо всё-таки принесло плоды?

— Да.

Принц оглянулся на покои, его шаги стали нетерпеливыми — он явно спешил поскорее похвастаться перед матерью.

Тан Линъянь понимал его нетерпение и не стал пытаться выжать из этой короткой встречи больше, чем можно было ожидать. Он предпочитал действовать постепенно. Глядя на заметно оттаявшего принца, он наклонился, похлопал его по плечу и мягко произнес:

— Иди. Через три дня приходи ко мне в кабинет вместе со своим учителем.

Принц крепко сжимал в руках сверток. Слова Тан Линъяня застали его врасплох, он на мгновение даже потерял связь с реальностью, но затем послушно кивнул:

— Слушаюсь, отец.

— Чун Ин наблюдает за тобой из тени, — тихо прошептала Ши Ши ему на ухо.

Тан Линъянь кивнул. Раз принц здесь, перелезть через стену уже нельзя. Он решил, что будет лучше просто и открыто проводить «сына» до дворцовых ворот.

Чун Ин стояла у входа, неясно, как долго она там находилась. Увидев приближающегося Тан Линъяня, она на мгновение замерла от удивления, затем сделала несколько шагов навстречу и склонилась в поклоне:

— Приветствую Ваше Величество.

— Поднимись.

Видя, как двое взрослых застыли в неловком молчании, принц поспешно протянул матери сверток:

— Матушка, это отец прислал специально для вас!

Хорош «сынок», не подвел!

На лице Чун Ин не отразилось ни тени радости. Похоже, она даже не пыталась притворяться:

— Благодарю Ваше Величество за милость.

Она даже не удивилась, увидев перед собой редчайший плод?

Тан Линъянь перекинулся с ней парой вежливых фраз, но разговор не клеился — близости между ними не было, да и Царица явно отделялась дежурными ответами. В конце концов, она вежливо, но твердо выпроводила его, так что вывести хоть что-то полезное не удалось.

Женщины — существа непостижимые.

Вернувшись в кабинет, Тан Линъянь провел весь день за книгами. Ему нужно было освоиться в этой эпохе: от письменности и истории до текущих государственных дел. Только так можно было найти общий язык с чиновниками.

Ши Ши в очередной раз была поражена: он не только читал со скоростью света, обладая феноменальной памятью, но и схватывал всё на лету, сохраняя в голове идеальный порядок.

— Чем ты занимался до того, как попал в этот мир? — не выдержав, спросила она однажды.

Тан Линъянь, не отрываясь от дела, ответил:

— Самой обычной работой.

Ши Ши замолчала. Неужели в том мире требования к работе были настолько суровыми?

За эти два дня, что Тан Линъянь изучал культуру государства Юнь, у него периодически всплывали обрывки воспоминаний Юнь Чжиина. Они были разрозненными, словно кусочки пазла, рассыпанные по полу. Чаще всего в них мелькало море изумрудного бамбука.

Бамбук во дворце встречается повсюду, отметил про себя Тан Линъянь.

Он отложил книгу и посмотрел в окно. Кабинет располагался на втором этаже, где имелась открытая терраса. На ней стояла шахматная доска. Тан Линъянь уже изучил её — партия была проиграна, и неизвестно, с кем именно играл Юнь Чжиин.

Сидя перед доской, он смотрел на раскинувшийся внизу дворец. Архитектура не отличалась особой роскошью — богатство государства Юнь заключалось не в величии зданий. Его

богатством была красота людей, которой завидовали все вокруг.

Тан Линъянь наблюдал за суетящимися слугами — каждый из них был невероятно хорош собой. Дерево Прекрасного Лица много лет не плодоносило, но гены, доставшиеся от предков, вкусивших его плоды, были невероятно сильны.

Тан Линъянь потер подбородок, чувствуя удивление:

— Неужели в мире и правда есть место божественному дару?

— Возможно, — ответила Ши Ши. — В конце концов, боги ничем не заняты, им часто бывает скучно.

Ответ, с которым трудно поспорить. Красивая легенда внезапно стала такой приземленной.

Съев плод, Тан Линъянь вытер руки и взглянул в медное зеркало.

— Я стал красивее?

Ши Ши промолчала.

— Теперь, когда Дерево снова плодоносит, красота жителей Юнь удвоится, — усмехнулся Тан Линъянь. Он взял из вазы виноградину и бросил её в небольшое озеро неподалеку, по воде пошли круги. — Только вот благословение богов — дар это или проклятие?

Оставить после себя чудо-дерево, ради которого люди будут грызть друг другу глотки, — похоже на забаву скучающего божества, решившего устроить представление.

Ши Ши, светящаяся, подобно светлячку, опустилась на стул напротив.

— Кто сказал, что у богов не бывает злых намерений? Может, ей просто скучно, и она решила подшутить над смертными.

Тан Линъянь, облокотившись на перила, слушал её, улавливая в голосе нотки обиды:

— Ты не любишь богов?

— Не то чтобы не люблю, просто не испытываю симпатии.

Не испытывает симпатии — значит, не любит. Как занятно: оказывается, кто-то может

испытывать неприязнь к небожителям.

Тан Линъянь откинулся назад и налил себе чаю. После всего случившегося он и сам вряд ли проникнется симпатией к так называемым бессмертным.

Ши Ши смотрела на мужчину, чьи движения были естественны и полны достоинства. Всего за несколько дней в этом мире он обрел стать настоящего правителя, словно всегда был им. Она снова подумала: истинный дракон среди людей.

Заметив, что она замолчала, Тан Линъянь решил, что она переживает из-за двух невыполнимых задач:

— Не волнуйся, я сделаю всё, что в моих силах.

Ши Ши инстинктивно хотела осадить его, но промолчала. Пусть, это лишь слова утешения.

Тан Линъянь посидел на прохладном ветру, почувствовав, как голова прояснилась, и решил почитать еще немного, пока не стемнело. Юнь Чжиин был прилежным монархом, поэтому в глубине кабинета стояла кушетка для отдыха.

Этой ночью, закончив читать последнюю книгу, он лег спать.

Убедившись, что он уснул, Ши Ши плавно выплыла в окно. И лишь отойдя далеко от кабинета, она запоздало осознала: Тан Линъянь — простой смертный, он не может чувствовать её присутствия.

О чем она вообще волнуется?

<http://bllate.org/book/18607/1791680>